

3

ФЕВРАЛЯ

1937 г.

НАНТЬ-МАНСИ СОР

(ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКАЯ ПРАВДА)

Орган Остяко-Вогульского ОК ВКП(б), Окрисполкома, Окр. профсоюзов, Самаровского Райкома ВКП(б) и Самаровск. Райисполкома Омской области

№ 17

(674)

Окончание речи государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского на процессе антисоветского троцкистского центра — 1, 2, 3, 4 страницы. Начало см. в № 16 от 2/II-37 года.

Процесс антисоветского троцкистского центра

Речь государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского*)

Начало см. в № 16 от 2-го февраля 1937 года.

Когда человека обвиняют в грабеже с убийством, он признает себя виновным в грабеже. Когда человека обвиняют в краже со взломом, он признает себя виновным только в краже. Когда его обвиняют в краже, он признает себя, на худой конец, виновным только в хранении или в скупке краденного.

Это старая тактика профессиональных преступников.

Пятаков писал: „хорошо, что органы НКВД разоб-

лачили эту банду“. Правда, хорошо. Спасибо органам НКВД, что они, наконец, разоблачили вот эту банду! (Смех в зале). „Хорошо, что ее можно уничтожить“. Правильно, подсудимый Пятаков, хорошо, что можно, не только можно, а нужно уничтожить.

„Честь и слава работникам НКВД“. Вы кощунствуете, подсудимый Пятаков! О ком писал Пятаков 21 августа 1936 г.? Пятаков писал о себе. Пятаков опередил неумолимый ход событий.

Программа антисоветского троцкистского центра

Объединенный зиновьевско-троцкистский центр и его деятели упорно пытались доказывать, что у них никаких политических программных требований не было, что у них была одна только „голая жажда власти“. Это не правда. Это была попытка обмануть общественное мнение.

Не может быть борьбы за власть без какой-нибудь программы, без программы, которая должна формулировать цели, задачи, стремления, средства борьбы. Мы и тогда не верили тому, что не было у объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра какой-нибудь программы. Мы знали, что они ее упорно скрывают, и действительно: программа у них была, как была программа и у этого троцкистского террористического центра. Она сводилась к откровенному признанию необходимости капиталистической реставрации в СССР. Сокольников подтвердил, что по сути дела — это была старая антисоветская рютинская программа. И это верно. Сокольников говорил:

„Что касается программных установок, то еще в 1932 г. и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам программные установки и

еще в 1932 г.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультра империализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственные ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму“.

Но как „сговориться“? Захочет ли фашизм „сговориться“? Не предпочтет ли он действовать без всякого сговора, так, как он действует везде, во всем мире — нахрапом, наваливаясь, давя и уничтожая слабых? Радек говорил, что, ясно.

„хозяином положения... будет фашизм — с одной стороны германский фашизм, и военный фашизм другой дальневосточной страны“.

Это, конечно, понимал не хуже их учитель Троцкий, это понимал весь троцкистский центр. На это они шли с открытыми глазами. Это составляло второй пункт их „замечательной“ программы.

Третий пункт — вопрос о войне и поражении СССР.

Четвертый — вопрос о последствиях поражения: отдача не только в концессию важных для империа-

листических государств промышленных предприятий, но и продажа в частную собственность важных экономических объектов, которые они наметили; это займы, о которых говорил Радек; это допущение иностранного капитала на те заводы, которые лишь формально останутся в руках советского государства.

Пятый пункт, — как они говорили, аграрный вопрос. Этот аграрный вопрос очень просто решался у „параллельного“ центра, точь-в-точь, как у Фамукова решался культурный вопрос — „взять книги все да сжечь“. Так решался и у них аграрный вопрос: сжечь завоевания пролетарской революции — колхозы распустить, совхозы ликвидировать, тракторы и другие сложные сельскохозяйственные машины передать единоличникам. Для чего? Откровенно сказано: „для возрождения нового кулацкого строя“. „Нового“ ли? Может быть, просто старого?

Шестой вопрос — это вопрос о демократии. Радек рассказывал, что ему писал по этому поводу Троцкий. Это очень важно нам знать, особенно теперь, когда наша страна достигла высочайшего развития пролетарской социалистической демократии, выражением чего является недавно принятая и утвержденная нашим народом великая Сталинская Конституция. Как о демократии ставился вопрос в троцкистской программе? Что говорит по вопросу о демократии К. Радек, получивший письмо от своего учителя?

„В письме Троцкий сказал (я цитирую показания Радека):

„ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции (теперь уже 19), и у него аппетит громадный...“

Это правильно. Такой громадный аппетит, что он скушает, как уже скушал не раз, любого своего врага.

„...А этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухуд-

шение положения рабочего класса“.

А в деревне?

„В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию“.

Ну, вероятно, Радек продумал очень хорошо.

И, наконец, сельской вопрос — программа внешней политики, раздел страны: „Германии отдать Украину; Приморье и Приамурье Японии“. Мы дальше интересовались, а как обстоит дело насчет каких-нибудь других экономических уступок?

Радек ответил: уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Я спросил: о сахалинской нефти шла речь?

Радек: „Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом“.

— А насчет Придунайских стран?

Радек: „О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны“.

Вот семь основных вопросов этой, так называемой, программы центра.

Что означало и что означает эта программа для рабочего класса, для крестьян, для дела мира, для

интересов советского народа?

Эта программа означает возврат к прошлому, ликвидацию всех завоеваний рабочих и крестьян, ликвидацию побед социализма, ликвидацию Советского социалистического строя.

Поэтому Зиновьев, Каменев и другие главарь антисоветского объединенного троцкистского блока и скрывали эту программу, упорно отрицая ее наличие. Эту программу скрывали и главарь „параллельного“ центра — Троцкий, Пятаков, Радек, Сокольников и другие.

Как показывал Радек, Троцкий указывал, что „не надо теперь перед рядовыми членами блока ставить программных вопросов во весь рост. Испугаются...“

Но, может быть, все это выдумки? Может быть, они говорят о наличии этой программы так просто потому, что они хотят разыграть комедию раскаявшихся грешников? Может быть, Троцкий никогда таких установок не давал?

Но, товарищи судьи, вы знаете, всем известно, что за границей Троцкий издает так называемый „бюллетень оппозиции“, и если вы возьмете № 10, за апрель 1930 г., этого „бюллетня“, вы увидите, что там напечатано по существу то же самое:

...„отступление все равно неизбежно. Нужно совершить его как можно раньше...“

...приостановить „сплошную“ коллективизацию...“

...прекратить призовые скачки индустриализации. Пересмотреть в свете опыта вопрос о темпах...“

...отказаться от „идеалов“ замкнутого хозяйства. Разработать новый вариант плана, рассчитанный на возможно широкое взаимодействие с мировым рынком...“

... совершить необходимое отступление, а затем стратегическое перевооружение...“

... без кризисов и борьбы из нынешних противоречий выйти нельзя...“.

В 1933 году Л. Троцкий требовал:

а) роспуска большей части колхозов, как дутых;

Продолжение см. на 2 стр.

*) Печатается по сокращенной стенограмме.

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

Продолжение. Начало см. на 1-й стр.

- б) роспуска совхозов, как нерентабельных;
- в) отказа от политики ликвидации кулачества;
- г) возврата к концессионной политике и сдаче в концессию целого ряда наших промышленных предприятий, как нерентабельных

Эта программа не только выражала взгляды, надежды и чаяния троцкистских контрреволюционеров, но, как установлено следствием, служила и основой соглашения троцкистов с иностранными агрессорами, которые зарятся на советскую землю. Предатели шли на все, даже на распродажу родной земли. Они пошли на самую черную измену, они пали ниже последнего денкинца или колчаковца. Последний денкинец или последний колчаковец выше этих предателей. Денкинцы, колчаковцы, миликовцы не падали так низко, как эти троцкистские Иуды, продававшие родину за тридцать серебряников, да и то фальшивых, пытавшихся отдать в кабалу иностранному капиталу на нашу страну. Это — факты.

Мудрено ли, что подобная программа предательства отвергается нашим народом; что, если бы с этой программой пойти на наши фабрики, заводы, в колхозы, в наши красноармейские казармы, агитатора немедленно бы схватили и повесили на первых попавшихся воротах. И поделом, ибо, кроме виселицы, изменникам не может быть другого удела. Это — программа черной измены. Мы противопоставляем ей свою программу — программу советского правительства. Напрасно было бы изображать дело так, будто здесь идет борьба, спор между двумя фракциями, одной из которых повезло, и она пришла к власти, а другой не повезло, «не пофартило», и она к власти не пришла.

Тут идет борьба не на жизнь, а на смерть между двумя программами, двумя противоположными системами принципов, враждеб-

ными друг другу направлениями, взглядами, отражающими эти принципы. Этой черной программе троцкистов мы противопоставляем свою программу ликвидации капитализма, ликвидации всех остатков капитализма в нашей стране. Вся советская страна, рабочие, крестьяне и интеллигенция, под руководством нашей великой партии, партии Ленина — Сталина, под руководством нашего великого вождя и учителя Сталина героически борется за эту программу, неустанно трудится на укрепление нашей государственной независимости, самостоятельности и неприкосновенности наших границ и нашей земли.

В одном великом порыве, невиданном в прошлом в истории царской России и ни в одном капиталистическом государстве, в порыве советского патриотизма, героическими руками трудящихся СССР строится наше новое социалистическое отечество. Все народы нашей страны охвачены небывалым в истории энтузиазмом, творящим чудеса. Могуча любовь к нашей родине, к нашему отечеству! ...

И вот перед вами, товарищи судьи, сидят люди, которые собрались повернуть с помощью иностранных штыков нашу страну в капиталистическое рабство. Об этих людях и им подобных писал в свое время Ленин, что это «вызывающие законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хамы». Вот эти люди, эти холуй и хамы капитализма, пытались втоптать в грязь великое и святое чувство нашей национальной, нашей советской патриотической гордости, хотели наглумиться над нашей свободой, над принесенными нашим народом за свою свободу жертвами, они изменили нашему народу, перешли на сторону врага, на сторону агрессоров и агентов капитализма. Гнев нашего народа уничтожит, испепелит изменников и сотрет их с лица земли ...

Пораженческая позиция троцкистского центра — провокация войны

Как это установлено на предварительном судебном следствии, антисоветский троцкистский центр одним из пунктов своей программы имел установку на ускорение войны и поражение Союза ССР в этой войне. А через войну и поражение — приход к власти, захват власти и использование ее для возврата капиталистической реставрации.

В беседе с Пятаковым в декабре 1935 года Троцкий, по словам Пятакова, прямо говорил о неизбежности

войны в ближайшее же время. Мы здесь это проверили, насколько возможно. Называлась дата — 1937 год.

Я не могу здесь не сказать об одном обстоятельстве, которое было вчера рассмотрено в закрытом заседании. Именно, в связи с установкой Троцкого и, очевидно, соответствующих компетентных в этом деле кругов и учреждений одного иностранного государства, с которым договаривался Троцкий, уста-

новка на 1937 год обуславливалась необходимостью ряда таких мероприятий, которые должны были бы действительно к этому времени подготовить неизбежность поражения СССР. Вчера на закрытом судебном заседании Пятаков и Ратайчак дали подробное объяснение, что они сделали для того, чтобы обеспечить наше поражение в случае возникновения войны в 1937 году и, в частности, в деле снабжения нашей армии необходимыми средствами обороны. Они нам показали вчера, как глубоко и как чудовищно подл был их план предательства нашей страны в руки врага. Они показали, как они своим планом хотели обезоружить в наиболее для нас важный и опасный в случае возникновения военных действий период времени — нашу Красную Армию, нашу страну, наш народ.

Организация и совершение диверсий и вредительства

Радек и Пятаков подтвердили на суде, что в подготовке военного поражения главным методом в руках изменников из «центра» являлись вредительские мероприятия и диверсии.

Пятаков показывал, что Троцкий при свидании с ним объяснял, что одним из пунктов достигнутого Троцким с представителями германской национал-социалистической партии соглашения было обязательство — «... во время войны Германии против СССР ... занять порочную позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения, ... действовать по указаниям Троцкого, согласованным с германским генеральным штабом».

Осуществляя взятые на себя таким образом обязательства, «параллельный» или просто антисоветский троцкистский блок на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные ими диверсионные и вредительские группы.

Были специальные люди, в адреса которых направлялись прибывавшие из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись по определенному плану, их направляли именно туда, где казалось необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и дивер-

сиями на жел.-дор. транспорте поручается Серебрякову, вкупе с ним Князеву, Турок, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности на Кемерово. Не случайно, именно в Западной Сибири создается достаточно сильный краевой центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробниса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников — Ратайчака, Норкина, Муралова и Дробниса опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы представляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не распыляется, он концентрируется. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все взвешивается «по-хозяйски», если употребить это слово с издевательством над понятием хозяйин.

Пятаков — это человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков — враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства. Он действует по строгому хозяйственному расчету: вредит там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства.

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел

наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Наша история знает не мало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против советов. Мы помним «шахтинское дело» и, как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «промпартии», дело «союзного бюро и.д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличением сказать, что в искусстве вредительства, цинизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собою своих предшественников, что в этой области они переunggоляли самых матерых и отъявленных преступников. Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркомтяжпроме.

Организуя вредительские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу — подорвать хозяйственную мощь советского государства и оборонноспособность нашей страны, другую задачу — вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть.

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха — повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень хладнокровно и продуманно закрывали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видим, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на местном участке в районе Северного хода в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пешехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтвердить, что ряд

Продолжение см. на 3 стр.

Продолжение речи тов. А. Я. Вышинского

Продолжение. Начало см. на 1—2 странице.

организованных ими железнодорожных крушений остался безнаказанным потому, что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти люди не останавливались перед тем, чтобы заведомо лживо, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели свалить вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упускать из вида не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершались троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми и свидетельскими показаниями и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над „и“ и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные вредительские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Активную роль в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем Народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под

блестящим руководством товарищей Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя Народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя Народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольников, бывшего заместителя Народного комиссара по иностранным делам, — в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной, — вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию „параллельного“ троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв: было крушение на ст. Шумиха, где погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными, крушение на перегоне Яхино-Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указаниям „параллельного“ троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав, — агента японской разведки господина Х..., который действительно был одной из движущихся пружин преступной деятельности Князева и Турок.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как смогли они в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, оставаясь безнаказанными? Это вопрос, конечно, законный. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься

в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это объясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков — как случилось, что, несмотря на все это, их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы оборонной промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и ди-

версионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх.

Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших стахановцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения, — наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

На стороне вредителей стоят единицы. Вред, причиняемый этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. На стороне советского правительства и строительства стоят миллионы!

Шпионаж и террор

Материалами предварительного судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушина, Турок, Граше, Шестова, Строилова установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранной разведки. Установление связи с японской и германской разведками осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турок или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными германской и японской разведками под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой готовили результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального Комитета Коммунистической Партии Испании, на имя товарища Хозе Диаска сказал, что „трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они, — сказал товарищ Сталин, — отдадут себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества“. И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому де-

лу с точки зрения охраны интересов нашего государства, с точки зрения охраны интересов всего передового и прогрессивного человечества.

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желавшей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительства были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающими взорвать дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества.

Обвинительное заключение предъясвляет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе — доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий дважды, по крайней мере, и притом в достаточно откровенной, незаулаченной форме, дал установку на террор, — документы, которые оглашены их автором всему миру. Я имею в виду, во-первых, то письмо 1932 г., в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич — „убрать Сталина“, и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени, — Троцкистский „бюллетень оппозиции“ номера 36—37, октябрь 1934 г., где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: „возможно ли мирное снятие бюрократии?“ Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится: „Возьмите не маловажный вопрос, как подойти к реорганизации советского государства“.

Как подойти к реорганизации советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ясная совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе Конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты? Они говорят так:

„Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Для устранения правящей клики (как они называют наше правительство клеветнически) не осталось никаких нормальных конституционных путей.“

Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам „авангард“, который занимался убийствами и диверсиями и шпионажем) можно силой“.

„Причем „силой“, — как это можно убедиться, набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранять. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого „авангарда“, каким являются вот эти господа. (Смех).“

То, что я сейчас процитировал, как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

Перед нами сидят террористы, которые организовали теракты не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний объединенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что Зиновьев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут „обскакать“. Разве и на этом процессе мы не слышали

Окончание см. на 4 стр.

Окончание речи тов. А. Я. Вышинского

Окончание. Начало см. на 1—2—3 странице.

о том же? Разве троцкисты из „параллельного“ центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зинovieвцев в руках, не позволять зинovieвцам отти- снуть их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели. Этот „авангард“ спал и видел во сне портфели. Радеку — портфель министра иностранных дел, Ратайчаку, — вероятно, министра религиозных исповеданий (в зале смех), потому что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (нам это известно) пост военного министра и вообще главного командующего всех вооруженных, сухопутных (морских сил у них не было) — я имею в виду „старого летчика“ Ратайчака — летных сил (в зале смех).

Центр организовал сеть террористических групп и вроде того, как у китайских генералов: что ни генерал, то своя армия. У Пятакова—Логинов, Голубенко и другие. У Радека—Пригожин и другие; у Сокольников—Закс, Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова—у того есть своя группа—Мдивани; у Дробниса — какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Муралова—об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии?

Даже у Шестова—и то была своя группа — Арнольд и К^о—и группа не плохая с точки зрения ее задач. Правда, немного она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготавливает террористический акт через своих украинских представителей против т. т. Постышева и Косиора, а в 1935 г. против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготавливает террористические кадры в Ленинграде; Закс—Гладнев и другие готовят под руководством Сокольников террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против товарища Берия, собирает террористов, которых можно было бы стянуть в Москве для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление, так называемых, групповых террористических актов. Они же готовят террористический акт против тов. Ежо-

ва. Дробнис тоже готовит теракт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь, не считая тов. Эйхе, который там живет. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а дела как-то не видать. Но это наше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить за террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготавливают убийства. Их тактика была такая: чтобы можно было совершение терактов свалить на других—скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики—трусость... вот он организовал покушение против товарища Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил,—не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на товарища Молотова произошло. Эта авария на гребешке пятнадцати-метровой канавки, как здесь Муралов скромненько говорил,—факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за вредительство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по вредительским планам, и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова. Эта честная работа Бо-

яршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организовали убийство. 15 апреля 1934 года инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит на смерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова—Черепухина и которая имела в своих рядах Арнольда.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном объеме—от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

Я считаю, что обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах,—и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последних слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напому вам о том, как, скажем, по делу объединенного троцкистско-зинovieвского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, одни—прося, другие не прося пощады,—что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных, совершенных ими, преступлений,—мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоявших в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 г. по указанию

Троцкого был организован под названием „параллельный“ центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольников и Радека вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими секретными, имеющими огромное государственное значение, материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему советскому государству.

В этом я обвиняю членов „параллельного“ антисоветского троцкистского центра—Пятакова, Радека, Сокольников и Серебрякова—т.е. преступлений, предусмотренных статьями 50 УК РСФСР: 58-1-а—измена родине, 58-6—шпионаж, 58-8—террор, 58-9—диверсия, 58-11—образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турок, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т.е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного Кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе предъявляется,—это измена родине. Измена родине карается 58-1-а статьей УК РСФСР. Она говорит об измене родине, как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его

государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдача военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего,—бегство за границу—мы имеем здесь налицо. Закон возлагает на совершивших это тяжелое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием,—тягчайшие наказания.

Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос—есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволяли бы вам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса в полном объеме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через „Правду“ и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мной, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания—расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала).

Ответственный редактор
СМИРНОВ И. Е.